

Министерство образования и науки РФ

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

УДК

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по науке
_____ Кружаев В.В.
«___» _____ 2013

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

В рамках выполнения п.2.1.1.1 Плана реализации мероприятий Программы развития
УрФУ на 2013 год

ПО ТЕМЕ:

«Реконструкция пространственной организации археологизированных жилых
построек: методы анализа и информационный потенциал (по материалам жилищных
комплексов эпохи бронзы таежной зоны Западной Сибири)»

(Заключительный)

Договор возмездного оказания услуг (выполнения работ, на создание произведения)
№2.1.1.1/53

Зав.кафедрой

(подпись, дата)

Научный руководитель

(подпись, дата)

Исполнитель

(подпись, дата)

Екатеринбург 2013

Реферат

1. ФИО автора (ов): Юдина Екатерина Александровна

Iudina Ekaterina Aleksandrovna

2. Аннотация: Отчет содержит изложение результатов научного исследования, посвященного развитию методики реконструкции и анализа археологизированных поселенческих комплексов (прежде всего, - жилых построек). При этом жилище рассматривается как определенным образом организованная пространственная среда. Планиграфический метод анализа скорректирован с целью максимально полного извлечения пространственной информации при изучении распределения фрагментов керамики. Рассмотрены особенности “поведения” керамического материала в различных условиях. На примере конкретных археологических комплексов (поселенческие комплексы эпохи бронзы Западной Сибири, кульёганский культурный тип) апробированы полученные методические наработки в плане реконструкции конкретных объектов, их внутренней планировки, а также продемонстрированы возможности метода в вопросах выявления локальных культурных различий. На примере выбранных памятников показаны пути поиска устойчивых традиций-стереотипов в сфере домостроения и их локальных вариаций, что имеет значение для выявления и изучения культурных образований по археологическим материалам.

The report contains a summary of the results of scientific study on the development of methods of reconstruction and analysis ruined settlement complexes (primarily - dwellings). It should be noticed, that dwellings are considered as an example of organized spatial environment. Spatial analysis was modified for the best way of exploring of potsherds' distribution. Specificity of ceramic material transformation was also studied. Developed methods were tested on certain archaeological sites' materials (Bronze Age of Western Siberia) as a means for reconstructing of the objects, its' inner space organization and acceptable way for researching some cultural variations. It was shown on the base of the sites' materials, that this method could be also a new way for the searching of sustainable traditions and stereotypes in housing. Thus it could be useful for identification and studying cultural formations on archaeological materials.

3. **Ключевые слова:** реконструкция, планиграфический анализ, домостроительная традиция, жилище, организация внутреннего пространства, локальные культурные различия, эпоха бронзы, кульёганский культурный тип; reconstruction, spatial analysis, house-building tradition, dwelling, local cultural differences, Bronze Age, Kulyogan cultural type.
4. **Тема отчета:** Реконструкция пространственной организации археологизированных жилых построек: методы анализа и информационный потенциал (по материалам жилищных комплексов эпохи бронзы таежной зоны Западной Сибири); Reconstruction of ruined dwellings' spatial organization: methods of analysis and informational opportunities (on the base of archaeological materials, dated as a bronze age, from Western Siberia).

Содержание

РЕФЕРАТ	2
ВВЕДЕНИЕ	5
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	6
Корректировка методики пространственного анализа. Реконструкция объектов и их внутренней организации	8
Выявление локальных культурных вариаций и устойчивых стереотипов в рамках предполагаемой домостроительной традиции	9
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	12
ПРИЛОЖЕНИЯ	14

Введение

Важнейшее препятствие для расширения источниковой базы при выделении и описании археологических культур - сложность выявления для объектов признаков, отражающих культурную специфику. В этнографии жилище всегда рассматривалось как одна из ярких составляющих традиционной культуры, а его планировка – как устойчивый и “чуткий” элемент, нередко упоминаемый среди “этнодифференцирующих”. Однако значительная часть интерьера и конструктивных особенностей построек в процессе археологизации разрушается, зачастую не оставляя достаточных следов для реконструкции.

Главной целью представленного исследования является, во-первых, разработка и апробирование методов пространственного анализа, позволяющих реконструировать принципы организации жилищного пространства, а во-вторых, - оценка информативности восстанавливаемых планировочных схем, в т.ч. - решение вопроса об отражении культурной принадлежности объекта в его реконструируемой внутренней планировке.

В качестве основного объекта исследования выбраны жилищные комплексы кульёганского культурного типа (эпоха бронзы таежной зоны Западной Сибири, перв. пол. – сер. II тыс. до н.э.).

Основная часть:

содержание и результаты проведенного исследования

При выделении и описании археологических культур повсеместно подчеркивается стремление учесть все категории объектов, однако на практике решающее значение приобретают характеристики керамического комплекса и особенности представленной на памятниках каменной индустрии. Важнейшее препятствие для расширения источниковой базы на этом уровне анализа - сложность выявления для прочих объектов признаков, отражающих культурную специфику.

Археологизированные жилые постройки являются одной из основных категорий археологических источников. На территории Западной Сибири их изучение началось вместе с активными полевыми исследованиями в 50-60-х гг. XX в. Состояние методики раскопок предопределило в эти годы преимущественное внимание ученых к формальным характеристикам объектов: внешнему облику, отдельным приемам домостроительной техники и т.д. Однако на сегодняшний день развитие методики значительно увеличило информационный потенциал каждого раскопанного памятника, что позволяет изучать жилище не только как элемент более крупных систем (например, поселения), но и как отдельную пространственную среду.

В этнографии жилище всегда рассматривалось как одна из ярких составляющих традиционной культуры, а его планировка – как устойчивый и “чуткий” элемент, нередко упоминаемый среди “этнодифференцирующих”. Поскольку значительная часть интерьера и конструктивных особенностей построек в процессе археологизации разрушается, зачастую не оставляя достаточных следов для реконструкции, восстановление обобщенных планировочных схем жилых помещений приходится проводить по косвенным данным, и, среди прочих, - по планиграфии находок.

В самом общем виде планиграфический анализ обычно подразумевает изучение взаиморасположения объектов либо их фрагментов, представляющих собой некое логическое единство (например, - относящихся к одному горизонту, одной постройке, памятнику и т.д.), и, как следствие, выявление и объяснение некоторых закономерностей в их пространственном распределении. Изначально данный метод разрабатывался и апробировался на каменном инвентаре. Материал, из которого изготовлен тот или иной предмет, по вполне понятным причинам определяет некие детерминанты как в его использовании, так и в наиболее характерных “метаморфозах” после его выхода из актуальной культуры (характер поломки, способ уничтожения, удаления либо утилизации,

изменения под влиянием осознанного и неосознанного воздействия человека и, позже, - естественных факторов). Очевидно, что все эти процессы (и, следовательно, моменты, их определяющие) в той или иной степени находят свое отражение в перемещении предметов или их фрагментов по территории жилых площадок и внутри помещений. По этой причине для полноценного планиграфического анализа керамических коллекций, составляющих основную часть комплекса находок ранних памятников рассматриваемого региона, необходима корректировка методики и пересмотр некоторых рабочих гипотез в связи с учетом специфического “поведения” керамики в различных условиях.

Соответственно, главной целью проведенного исследования являлась, во-первых, разработка и апробирование методов пространственного анализа, позволяющих реконструировать принципы организации жилищного пространства, а во-вторых, - оценка информативности восстанавливаемых планировочных схем, в т.ч. - решение вопроса об отражении культурной принадлежности объекта в его реконструируемой внутренней планировке.

В качестве материалов для решения поставленных задач были выбраны поселенческие комплексы кульёганского культурного типа (первая половина – середина II тыс. до н.э., таежная зона Западной Сибири): селище Барсова Гора II/19 (объект 1), поселение Чернореченское I (объекты 1 и 15) и селище Савкинская Речка I¹. Говоря о памятниках кульёганского культурного типа, нужно отметить, что связанные с ними коллекции артефактов редко отличаются представительностью. Сами исследуемые объекты (постройки различного назначения) не всегда позволяют провести полноценную реконструкцию, выходящую за пределы констатации общих показателей. Кроме того, статус выделенного культурного образования остается спорным. Длительный процесс стихийного формирования понятия и отбор подразумеваемого под ним содержания, начавшийся с изучения коллекций с ограниченной территории (урочище Барсова Гора, Сургутское Приобье) и продолжившийся распространением на удаленные памятники, привел к некоторому размыванию лежащих в основе выделения типа критериев. Предложив общую характеристику кульёганских древностей, коллектив исследователей отметил, что за этим понятием может скрываться нечто большее, чем просто тип памятников или керамики. Т.о. дополнительные источники информации – как по

¹ Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 221 – 240; Косинская Л.Л. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87 – 102; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 62-70.

реконструкции самих объектов, так и для выявления какой-либо культурной специфики комплексов - становятся особенно актуальны и ценны.

Корректировка методики пространственного анализа. Реконструкция объектов и их внутренней организации

Привлечение данных, связанных со специфическим поведением керамики как материала, в ходе планиграфического изучения археологических комплексов не является широко распространенной практикой. Информация подобного рода изредка приводится в виде отдельных наблюдений за той или иной (чаще – исключительной) планиграфической ситуацией. По этой причине судить о том, какие отличительные свойства и характеристики фрагментированных глиняных изделий существенны для анализа, а какие – второстепенны, по материалам археологических памятников пока затруднительно. Альтернативой им могут послужить результаты немногочисленных экспериментальных исследований, затрагивавших вопросы археологизации керамики, а также наблюдение за повторяющимися пространственными моделями непосредственно в ходе обработки конкретного материала.

В рамках представленного исследования для решения первой поставленной задачи были систематизированы и апробированы материалы экспериментальных проектов автора исследования, а также проведено сопоставление результатов анализов упомянутых выше комплексов.

В результате была многократно подтверждена гипотеза о специфической, устойчивой планиграфической картине распределения керамического материала в приочажной зоне; выявлены некоторые конкретные ограничения метода (соотношение информативности метода с сезоном функционирования исследуемой постройки в связи с переносом значительной части хозяйственной деятельности в теплое время года за пределы жилища); самое главное, - подтверждено наличие и информативная значимость корреляции между размерными показателями фрагмента, местом его залегания (относительно элементов конструкции и зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубиной залегания (относительно уровня земляного пола либо уровня обитаемой дневной поверхности). Последний момент послужил отправным методическим основанием для реконструкции всех рассмотренных комплексов.

Кроме того, в ходе работы с наиболее проблемной коллекцией было выявлено возможное использование метода не только на стадии анализа и интерпретации, но также и на стадии “внешней критики” археологического источника. Состояние селища Савкинская Речка I (Нижневартовский район ХМАО — Югры, 5,3 км к юго-востоку от

п.г.т. Излучинск, левый берег р. Вах; раскопки Мызникова С.А.) к началу раскопок оценивалось как аварийное: в процессе прокладки трассы трубопровода была уничтожена восточная часть селища. Это объясняет наличие локальных нарушений культурного слоя памятника, а также специфику полученной коллекции находок: часть артефактов соотносится с объектом и его заполнением, часть – с перекрывающим его песком, перемещенным, в т.ч., с разрушенной части селища. В результате характер залегания некоторых фрагментов и целых скоплений (*in situ* или вторичный), а также принадлежность конкретных емкостей к вскрытому комплексу оказывались не всегда очевидными, что резко ограничивало информационный потенциал полученного материала, а проведение планиграфического анализа и вовсе ставило под вопрос. Подробный анализ керамической коллекции с учетом дополнительных параметров материала (размеры, “связи” фрагментов от одного сосуда, подклеивающихся фрагментов, учет точной глубины залегания, степени сохранности черепков) позволил выделить наиболее надежную с точки зрения пространственной информации часть артефактов. Выявление “чистого” комплекса, а также следов нарушений, не зафиксированных в ходе раскопок, меняет алгоритм анализа материала, и, кроме того, потенциально способно внести коррективы, в том числе, в интерпретацию комплекса в целом.

Выявление локальных культурных вариаций и устойчивых стереотипов в рамках предполагаемой домостроительной традиции

О каком бы культурном образовании ни шла речь, его проявления не могут быть механически сведены к одному признаку, одной сфере. Оно неизбежно отражается в различных сферах, причем сферы эти сменяют, либо дополняют друг друга в зависимости от конкретного исторического контекста, восстановить который не всегда удастся даже при наличии письменных источников (а значит сразу определить сферы, в которых следует искать сходство и различие, тоже удастся далеко не сразу). Отсюда – необходимость работы с максимальным количеством данных, которые, как сетка с различной ячейей, помогают отлавливать культурные изменения, нашедшие отражения на разных уровнях и в разной форме. Такая работа помогает вычленить самые элементарные составляющие, из которых формируются искомые “культурные границы”, - говорим ли мы о поиске локальных вариаций в рамках типа или разделении ошибочно объединенных самостоятельных традиций.

Это положения очевидные, хотя на археологических материалах им не часто удается подобрать наглядные иллюстрации в силу плохой сохранности источников, порой ограничивающих возможности исследования одной-двумя категориями находок.

С целью определения наличия или отсутствия некой культурно значимой информации в одной из возможных дополнительных категорий источников (и, соответственно, еще одной возможной сферы реализации культурных стереотипов) - реконструируемых планировочных схемах и конструктивных деталях - были рассмотрены материалы трех упоминавшихся выше памятников кульёганского культурного типа: селище Барсова Гора II/19 (объект 1), поселение Чернореченское I (объекты 1 и 15) и селище Савкинская Речка I. Два первых памятника расположены в Сургутском Приобье, третий - в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. Мы сосредоточили свое внимание на одном из относительно устойчивых для кульёганских объектов элементов: особым образом организованных выходах. С одной стороны, достаточно сложная, повторяющаяся на ряде памятников конструктивная деталь сама по себе привлекает внимание и начинает восприниматься как отличительная черта построек одной культурной традиции; с другой стороны, она реконструируется не на всех объектах, что автоматически намечает некую внутреннюю дифференциацию.

Сопоставление реконструированных планировочных схем жилых объектов, а также отдельных конструктивных деталей и общего устройства входа-выхода построек позволило сделать ряд выводов.

На всех рассмотренных объектах подтвердились строительные стереотипы, характерные для построек кульёганского культурного типа: это наземные выходы и коридорообразные углубленные выходы. Более того, по материалам рассмотренных памятников можно говорить о том, что своеобразным стереотипом является именно *наличие двух выходов различной конструкции*. Пример объекта с селища Савкинская Речка I подтверждает существование сходной традиции на кульёганских памятниках даже на более удаленных от Сургутского Приобья территориях.

С другой стороны, более тщательный анализ одного элемента планировки и конструкции позволил выявить значительное количество вариаций. Так, *расположение выходов* может варьироваться, и если для памятников Сургутского Приобья можно предполагать использование типичного “углового” обустройства выходов, то вахская постройка демонстрирует иной вариант расположения выходов - по центру стен. Зато в ней, как и в объектах с поселения Чернореченское I, одинаково реализовано взаимное расположение выходов - на смежных сторонах постройки.

Ориентировка выходов относительно ближайшего элемента гидросети различается. В обеих чернореченских постройках (даже предположительно нежилой, специализированной) явно читается стандартизированное расположение выходов (вне зависимости от ориентации самой постройки: углубленный выход – к реке, неуглубленный – параллельно руслу). Аналогично расположение выходов и в савкинском объекте. А вот на барсовогорском в сторону реки обращен единственный реконструированный, неуглубленный выход.

Еще один стереотип – *использование деревянных конструкций при оформлении привходового устройства* (причем, опять же по материалам поселения Чернореченское I, - в постройках различного назначения). Конкретные способы обустройства выхода, в деталях, а, возможно, и конструктивно, различались. Однозначно об этом говорить сложно, ибо ни в одном случае привходовая конструкция полностью не реконструируется. По косвенным признакам можно предполагать, что в барсовогорской и савкинской постройке деревянные элементы не были глухо закреплены на дне, т.е. оставался зазор между ними и дном котлована. В савкинской постройке это, судя по всему, было решено за счет использования отдельных опор, поддерживавших деревянное перекрытие. Перед ее южным углубленным выходом был сохранен и материковый останец. Аналогичное устройство углубленного выхода реконструировано в объекте 15 поселения Чернореченское I. Другие выходы в объектах данного поселения, судя по всему, так же укреплялись деревянными элементами, которые во всех случаях оказывались непреодолимой преградой на пути бытового мусора).

Иными словами, при более подробном анализе отдельного элемента конструкции и планировки, с одной стороны, подтверждается некий общий строительный стереотип (по крайней мере, это оказалось справедливо для рассмотренных объектов, причем даже для тех, где изначально этот стереотип не выявлялся), с другой – в рамках этого стереотипа проявляются вариации. Различаются конкретные конструктивные решения, местоположение элемента в общей планировочной схеме и т.д. Мы не всегда можем их уловить, даже с привлечением дополнительных источников информации, однако в тех случаях, когда они намечаются, они могут стать отправной точкой для сопоставления и поиска культурных различий.

Очевидно, что в нашем случае объем рассмотренного материала недостаточен для выводов и обобщений по проблеме конкретного культурного образования, впрочем, задача исследования была иной: попробовать уловить различия (потенциально - культурно значимые различия) и границы по “альтернативным” источникам и наметить дополнительные пути их поиска на уровне отдельных комплексов. Часть перечисленных

моментов, несомненно, может быть продиктована конкретными природными факторами и т.д. Это, впрочем, не отменяет их способности периодически служить также и культурными маркерами для того или иного образования либо фоном для развития культурных вариаций.

Заключение

Теоретические результаты, выводы проведенного исследования можно разделить на две группы. Первая группа носит методический характер и связана с дальнейшим развитием и усовершенствованием планиграфического метода анализа с учетом локальной и культурной специфики источников. Среди них стоит, в первую очередь, отметить следующие:

1. Апробированы на конкретном материале и многократно подтверждены предложенные на основании анализа экспериментальных данных пространственные модели (приочажная зона в жилом помещении, транзитная зона). Выявлена и охарактеризована на конкретном материале привходовая зона как достаточно устойчивый и специфический (в том числе – культурно специфический) планировочный элемент.

2. Намечены ограничения метода: сезонная и функциональная специализация элементов интерьера предопределяют четкость их “очерчивания”, первая, кроме того может полностью исключить элемент из общей планировочной схемы (пример – сезонные выходы, не отразившиеся в реконструированной планировке).

3. Подтверждена значимость корреляции между размерными показателями фрагмента, местом его залегания (относительно элементов конструкции и зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубиной залегания (относительно уровня земляного пола либо уровня обитаемой дневной поверхности). Последний момент послужил отправным методическим основанием для реконструкции всех рассмотренных комплексов.

4. В ходе работы с “проблемными” коллекциями с частично разрушенных памятников выявлены возможности использования метода на стадии “внешней критики” археологического источника. Тщательный анализ материала с учетом дополнительных параметров анализа позволяет выявить “чистый” комплекс, что заметно влияет на возможности работы с коллекцией в целом.

Вторая группа полученных результатов носит методико-методологический характер:

1. Реконструируемые элементы планировочной съемки и схема в целом способны сохранять определенную культурную специфику комплекса. Вернее, при

использовании планиграфического метода мы способны извлечь из источника весьма внушительное число дополнительных показателей (планировка, даже в виде отдельных элементов, содержит косвенную информацию по самым разным моментам – от особенностей конструкции до характера использования того или иного участка), чтобы попытаться выявить среди них культурно значимые, прежде всего, - путем сопоставления с другими комплексами (изначально – однокультурными, и, затем, – разнокультурными).

2. В случае привлечения дополнительной косвенной информации для реконструкции и интерпретации планировочных элементов нередко видоизменяется сам предполагаемый стереотип (не совсем полно или не совсем верно восстановленный ранее). В результате меняется как реконструкция конкретных объектов и комплексов, так и предполагаемое культурное соотношение памятников.
3. Поскольку анализ проводится на уровне отдельно взятого комплекса, помимо признаков – маркеров крупных культурных образований, выявляются более мелкие частные различия, допустимые вариации и отклонения в рамках единой традиции, постепенное изменение стереотипа и т.д. Все перечисленные наблюдения выводят нас уже на несколько иной, “культурологический” аспект прочтения археологического источника.

Помимо чисто теоретических выводов, представленное исследование имело и более конкретные результаты:

1. Был проанализирован ряд памятников кульёганского культурного типа. Для изученных построек проведена реконструкция планировочной схемы, а также перечислены дополнительные данные для реконструкции самих объектов (либо их элементов).
2. Сопоставление полученных схем по одному из планировочных элементов – привходовой зоне и устройству входа-выхода построек – позволило несколько уточнить известный ранее стереотип кульёганской домостроительной традиции, а также наметить черты вероятных локальных вариаций этого стереотипа.

Полученные сведения требуют дальнейшего анализа и сопоставления как с однокультурными объектами, так и объектами, относящимися к другим культурным традициям. Возможно, детальный анализ косвенной информации по комплексам позволит получить дополнительные данные для решения проблемы конкретного культурного типа.

Все перечисленные выводы были изложены в форме статей и тезисов (см. Приложения). Как конкретные, так и общетеоретические положения могут быть использованы в дальнейшей работе: анализе коллекций с частично разрушенных

памятников, реконструкции проблемных поселенческих комплексов, анализе малочисленных коллекций, решении методологических вопросов культурного определения по археологическим источникам, разработки “культурологического” аспекта археологической интерпретации.

Приложения

Приложение 1

Тезисы находятся в печати: Зыряновские чтения: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 5-6 декабря). – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2013. Материалы исследования будут представлены на конференции в декабре 2013 г.

Е.А. Юдина

Центр археологических исследований ИГНИ УрФУ

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД «ВНЕШНЕЙ КРИТИКИ» АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА²

Планиграфический анализ подразумевает изучение взаиморасположения объектов относительно друг друга и элементов вмещающей среды. Выявленные пространственные взаимосвязи служат отправной точкой для восстановления иных утраченных внутренних связей источника: хронологических, функциональных и т.д. При этом природа восстанавливаемых “цепочек” может быть различной и ограничивается лишь способностью исследователя сформулировать корректный запрос.

Чаще всего планиграфический метод анализа используется для реконструкции вмещающих объектов (параметров и конструкции постройки, ее планировки, деталей интерьера) и “динамического” контекста – последовательности событий, назначения различных частей жилища и т.д. (1; 3; 4 и др.) В качестве альтернативного варианта возможно применение метода на стадии “внешней критики” археологического источника.

В работе использовались материалы селища эпохи бронзы Савкинская Речка 1 (Нижневартовский район ХМАО — Югры, 5,3 км к юго-востоку от п.г.т. Излучинск, левый берег р. Вах; раскопки Мызникова С.А.), в качестве основной категории источников были выбраны керамические изделия.

Состояние памятника к началу раскопок оценивалось как аварийное: в процессе прокладки трассы трубопровода была уничтожена восточная часть селища. Сохранился единственный объект, частично перекрытый переотложенным грунтом. Это объясняет наличие локальных нарушений культурного слоя памятника, а также специфику полученной коллекции находок: часть артефактов соотносится с объектом и его заполнением, часть – с перекрывающим его песком, перемещенным, в т.ч., с разрушенной части селища. В результате характер залегания некоторых фрагментов и целых скоплений (in situ или вторичный), а также принадлежность конкретных емкостей к вскрытому комплексу оказываются не всегда очевидными (2, 60-67). В некоторых случаях мы попытались найти косвенные основания для оценки характера залегания сосуда.

Анализ проводился поэтапно. Сначала формировалась выборка наиболее надежных с точки зрения пространственной информации находок. Далее производилась оценка их

² Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

размерных показателей, соотнесение расположения находок и особенностей микрорельефа/следов элементов интерьера, производилась первоначальная интерпретация выявленных пространственных связей. Затем выводы по отдельным сосудам сводились в единую схему (5, 96-98). Среди прочих стоит отметить ряд интересных с точки зрения решения поставленной задачи наблюдений.

1. Некоторые скопления носили вторичный характер (залежали в переотложенном грунте). Присутствие во вторичных скоплениях крупных (площадь поверхности более 15 см²) фрагментов (а также сохранение скоплений как таковых) подразумевает незначительное и непродолжительное механическое воздействие, т.е. грунт в данном случае вряд ли перемещался на большое расстояние. Соответственно, залежавшие в подобных скоплениях фрагменты, вероятнее всего, относились к разрушенным объектам, расположенным некогда в непосредственной близости от исследованной постройки.

2. Наличие связей между фрагментами переотложенного и первичного скоплений, в случае наличия крупных фрагментов в обоих, ставит под сомнение характер как выявленной связи, так и самих скоплений. Площадь поверхности более 15 см² сохраняют фрагменты, сразу попадающие в зону покоя недалеко от места поломки. Если один крупный фрагмент лежит *in situ* в уцелевшей постройке, а второй перемещен с разрушенной части селища, то либо второй был изначально удален из постройки с минимальным механическим воздействием (специально вынесен), либо это фрагменты разных сосудов, либо характер скоплений и, следовательно, реконструкция вероятных перемещений находок, определены неверно.

3. В ряде случаев наметившееся при повторном просмотре коллекции разделение фрагментов от одного сосуда на две разные емкости соотнеслось с планиграфической ситуацией (например, когда одна часть крупных фрагментов попадала в выборку по дну, а вторая – в переотложенное скопление). В таком случае предположение об их принадлежности к двум сосудам получало дополнительное обоснование.

1. Глушков И.Г. Индивидуальная фиксация и интерьерно-планиграфические особенности жилых комплексов // Игорь Геннадьевич Глушков: Сборник избранных статей. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 200-202.
2. Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. - № 3 (18). С. 62-70.
3. Рыжкова О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170-180.
4. Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Приобья // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. С. 155-163.
5. Юдина Е.А. Планиграфический анализ распределения фрагментов керамических изделий (применительно к изучению древних жилых построек) // Тверской археологический сборник. Материалы 13-го – 15-го заседаний научно-методического

семинара “Тверская земля и сопредельные территории в древности”. Тверь: ООО “Издательство “Триада”, 2013. Вып. 9. С. 96-102.

Приложение 2

Статья находится на рассмотрении в редакции журнала “Вестник археологии, антропологии и этнографии” (Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН; <http://www.ipdn.ru/rics/va/index.htm>, издание входит в перечень ведущих периодических изданий ВАК).

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа как элемент домостроительной традиции³

Е.А. Юдина

На примере памятников кульёганского культурного типа рассмотрены возможности использования планиграфического анализа распределения фрагментов керамики как дополнительного источника информации для реконструкции элементов жилой планировки. Намечены пути поиска локальных вариаций в рамках предполагаемого культурного стереотипа.

Кульёганский культурный тип, эпоха бронзы, планиграфический анализ, домостроительная традиция, жилище, внутренняя планировка, устройство входа-выхода, локальные культурные различия

Впервые гребенчато-ямочная керамика, отнесенная впоследствии к кульёганскому типу, была обнаружена на Барсовой горе разведкой УАЭ в 1968 году. Термин для ее обозначения был предложен на три десятилетия позже - в 1995 году В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым после открытия подобных древностей на реках Быстрый Кульёган и Моховая [Стефанов, 2005, с. 109; Чемякин, 2008, с. 43-44].

К кульёганскому культурному типу исследователи относят древности раннего этапа бронзового века (первая половина – середина II тыс. до н.э.) на территории Сургутского Приобья (реже – более удаленных территорий). Известны крупные и малые поселения, одиночные дома, в т.ч. – укрепленные. Среди устойчивых характеристик объектов указывается каркасно-столбовая конструкция построек, неглубокий прямоугольный котлован, устройство выходов (в виде дверных проемов в одной из стен или выступающих наружу крытых тамбуров) и очагов (открытые кострища, нередко - на песчаных возвышениях). Главным диагностическим критерием для отнесения памятника к кульёганскому типу служит керамическая посуда соответствующего облика. Это толстостенные сосуды, изготовленные из рыхлого шамотного теста, плоскодонные, удлиненных баночных форм, с плоским венчиком, орнаментированные по всей поверхности, включая срез венчика и дно. В орнаментации преобладают отпечатки гребенчатого штампа, ямочные наколы, некоторые сосуды украшены желобками. В верхней части сосудов нередко присутствуют зигзаговые узоры, выполненные в различной технике [Стефанов, 2005, с. 110; Чемякин, 2008, с. 44-45].

³ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

В настоящее время к кульёганскому типу отнесено более трех десятков памятников. В то же время статус выделенного культурного образования остается спорным. Длительный процесс стихийного формирования понятия и отбор подразумеваемого под ним содержания, начавшийся с изучения коллекций с ограниченной территории (урочище Барсова Гора) и продолжившийся распространением на удаленные памятники, привел к некоторому размыванию лежащих в основе выделения типа критериев. Предложив общую характеристику кульёганских древностей, коллектив исследователей отметил, что за этим понятием может скрываться нечто большее, чем просто тип памятников или керамики [Стефанов, 2005, с. 109-111].

Данная статья не подразумевает изложение содержательной стороны описанной ситуации. Тем не менее, представленные ниже планиграфические наблюдения (помимо наличия в них привычной информации по объектам) оказываются особенно актуальными применительно к выбранным источникам именно в связи с обозначенной проблемой, т.е. в ситуации некоторой “культурной неопределенности” (хотя предложенный ниже метод может быть полезен и при анализе менее “проблемного” материала). По этой причине мы кратко обозначим некоторые общие моменты ее методико-методологической составляющей, от которых мы будем отталкиваться.

О каком бы культурном образовании ни шла речь, его проявления не могут быть механически сведены к одному признаку, одной сфере. Оно неизбежно отражается в различных сферах, причем сферы эти сменяют, либо дополняют друг друга в зависимости от конкретного исторического контекста, восстановить который не всегда удастся даже при наличии письменных источников (а значит сразу определить сферы, в которых следует искать сходство и различие, тоже удастся далеко не сразу). Отдельно взятая категория источников может временами отражать линию “субкультурную”, что прекрасно показано в т.ч. на археологических материалах [Lang, 2005], длительное время сохраняться в качестве своеобразного реликта. Отсюда – необходимость работы с максимальным количеством данных, которые, как сетка с различной ячейей, помогают отлавливать культурные изменения, нашедшие отражения на разных уровнях и в разной форме. Такая работа помогает вычленив самые элементарные составляющие, из которых формируются искомые “культурные границы”, - говорим ли мы о поиске локальных вариаций в рамках типа или разделении ошибочно объединенных самостоятельных традиций.

Это положения очевидные, хотя на археологических материалах им не часто удастся подобрать наглядные иллюстрации в силу плохой сохранности источников, порой ограничивающих возможности исследования одной-двумя категориями находок. Возвращаясь к памятникам кульёганского культурного типа, нужно отметить, что связанные с ними коллекции артефактов редко отличаются представительностью. Сами исследуемые объекты (постройки различного назначения) не всегда позволяют провести полноценную реконструкцию, выходящую за пределы констатации общих показателей, в которых сложно выявить некую культурную специфику. Тем не менее, мы постараемся подойти к поиску альтернативных источников “культурно значимой” информации именно с этой стороны.

В этнографии жилище рассматривается как одна из ярких составляющих традиционной культуры, а его планировка – как устойчивый и “чуткий” элемент, нередко упоминаемый среди “этнодифференцирующих”. Поскольку значительная часть интерьера

и конструктивных особенностей построек в процессе археологизации разрушается, зачастую не оставляя достаточных следов для реконструкции, восстановление обобщенных планировочных схем жилых помещений приходится проводить по косвенным данным, и, среди прочих, - по планиграфии фрагментов керамики, составляющей основную часть комплекса находок интересующих нас памятников.

Планиграфический анализ подразумевает изучение взаиморасположения объектов либо их фрагментов, представляющих собой некое логическое единство (например, - относящихся к одному горизонту, одной постройке, памятнику и т.д.). В настоящее время метод в равной степени применяется как для анализа распределения каменных артефактов, так и других категорий находок, в том числе – керамических изделий [Глушков, 2011, с. 200-202; Жульников, 2003, с. 70-74; Рыжкова, 1993, с. 170-180; Усачева, 2005, с. 155-163 и др.]. Материал, из которого изготовлен тот или иной предмет, определяет некие детерминанты как в его использовании, так и в наиболее характерных “метаморфозах” после его выхода из актуальной культуры. Для керамики специфической оказывается корреляция между размерными показателями фрагмента, местом его залегания (относительно элементов конструкции и зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубиной залегания (относительно уровня земляного пола либо уровня обитаемой дневной поверхности)⁴.

В качестве источников было выбрано три памятника, отнесенных исследователями к кульёганскому культурному типу: это селище Барсова Гора II/19 (объект 1), поселение Чернореченское I (объекты 1 и 15) и селище Савкинская Речка I. Состояние всех трех памятников на момент начала раскопок оценивалось как аварийное, что известным образом сказалось на характере полученного материала. Мы сосредоточили свое внимание на одном из относительно устойчивых для кульёганских объектов элементов: особым образом организованных выходах. С одной стороны, достаточно сложная, повторяющаяся на ряде памятников конструктивная деталь сама по себе привлекает внимание и начинает восприниматься как отличительная черта построек одной культурной традиции; с другой стороны, она реконструируется не на всех объектах, что автоматически намечает некую внутреннюю дифференциацию.

Селище Барсова Гора II/19, жилище 1

Селище находится в одноименном урочище, в 14–15 км к северо-западу от г. Сургута. В 2008 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 88 кв. м. (раскопки Е.Н. Дубовцевой) [Дубовцева и др., 2010, с. 221-240]. Культурный слой на всей площади раскопа был сильно поврежден. В ходе работ была исследована центральная часть жилища 1 кульёганского типа эпохи бронзы: в пределы раскопа не вошли северо-западный и юго-восточный углы постройки. Котлован объекта имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по оси север – юг. Его размеры составляли 6,2 x 5,3 м. Высота стенок варьировала от 40–45 см в северной части постройки до 30–35 см в южной части (из-за общего наклона древней поверхности). Очаг размерами 1,2 x 1,2 м находился в центре жилища. Определение места расположения выхода по данным полевых исследований оказалось затруднено.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка находок по дну жилища и по реконструируемой древней дневной поверхности.

⁴ В связи с характером и степенью сохранности источников мы будем работать, прежде всего, с первыми двумя характеристиками.

Визуально в постройке выделяется одно крупное скопление находок, занимающее центр западной половины котлована (рис. 1, 1). Рассмотрение составляющего его материала по отдельным размерным группам фрагментов позволяет несколько конкретизировать его структуру⁵. Первая группа включает фрагменты, с площадью поверхности не более 3 см², которые маркируют зоны повышенной активности. Эти фрагменты относительно равномерно распределены вдоль западной стенки за исключением юго-западного угла (здесь, у самой стенки, залегает единственный осколок). Следующая группа включает фрагменты площадью не более 8 см² – это своеобразный размерный максимум для активно эксплуатируемых зон (прежде всего, - активного передвижения обитателей). Зона залегания этих фрагментов отчасти повторяет локализацию находок предыдущей группы, вписывается в нее, занимая ее южную часть. Площадь фрагментов, входящих в следующую, третью группу, не превышает 15 см². Для фрагментов этой группы можно предположить незначительное (возможно, - непродолжительное) механическое воздействие. Зона их залегания несколько смещается к югу. При этом читавшаяся ранее достаточно четко южная граница скопления “размывается”. Фрагменты последней, четвертой группы, предположительно, не испытывавшие сколько-нибудь серьезного физического воздействия, “очерчивают” юго-западный сектор постройки, образуя две полосы, расположенные почти под прямым углом друг к другу.

“Связи” по фрагментам формально распадаются на три варианта: “связи” между осколками, залегавшими за пределами постройки, “связи” между осколками, залегавшими как внутри, так и за пределами постройки, и – локализованные в пределах жилища. Для нас наибольший интерес представляет третий вариант: почти все они ограничены западной половиной жилища. Кроме того, именно здесь сконцентрирована наибольшая часть “связей” по подклеивающимся фрагментам. Что стоит отметить: скопление в юго-западном секторе, его “границы”, пространство вокруг очага и вдоль стенок котлована маркированы фрагментами разных сосудов, т.е. отмеченные выше закономерности характеризуют не ситуацию поломки конкретного изделия, а более продолжительные процессы, протекавшие в помещении постоянно либо периодически.

Полученные данные позволяют предпринять попытку объяснения такого пространственного распределения материала. Очевидно, мы наблюдаем естественную для приочажной зоны картину: примыкающие к очагу участки равномерно покрыты мелким керамическим крошечком, которое образовалось здесь в результате постоянных активных действий и перемещений. Непосредственно к западу от очага картина примерно такая же. По мере приближения к юго-западному сектору количество чуть более крупных фрагментов (до 8 см) увеличивается, однако фрагменты и первой, и второй групп, - т.е. демонстрирующие достаточно высокую степень механического воздействия, - весьма четко очерчивают некий разрыв в юго-западном углу. Вероятно, граница распределения фрагментов этих групп совпадает с границей некой зоны покоя, в которой сохранились самые крупные фрагменты (очевидно, что-то защищало их сверху). Ее расплывчатость, а также наличие связей между двумя фрагментами, залегавшими на разных сторонах-

⁵ Основанием для группировки послужили экспериментальные данные по процессам археологизации керамики в различных условиях [Глушков, 1996, с. 87-91; Юдина, 2009; Юдина, 2011]. Было выделено 4 размерных группы: до 3 см², до 8 см², от 8 до 15 и свыше 15 см².

“грнях” разрыва в скоплении, говорят о том, что на уровне пола преграда не была непроницаемой. О том же косвенно свидетельствует и наличие в юго-западном секторе фрагментов третьей размерной группы: очевидно, как и несколько более мелкие, они могли отлететь сюда в результате непродолжительного воздействия.

Всем описанным характеристикам соответствует возможное наличие в юго-западном секторе невысокого помоста – ступеньки. Может быть, помост был стационарным, по крайней мере, его расположение в жилище было постоянным либо изменялось не часто. Вероятно, именно с ним связана некоторая неровность западной стенки котлована: помост мог несколько выдаваться в этом направлении. Его наличие объясняет и хорошую сохранность фрагментов на этом участке, отразившихся в концентрации здесь “связей” между подклеивающимися фрагментами. Интересно так же, что скопления на других участках мешали обитателям куда больше и почти все включены в “связи” второго типа, в которых, очевидно, нашёл отражение процесс целенаправленного удаления фрагментов за пределы жилища.

Реконструированное оформление юго-западного угла постройки можно рассматривать в качестве одного из возможных устройств входа-выхода. В таком случае мы можем предполагать существование в жилище 1 неуглубленного выхода, смещенного к углу котлована, с дополнительным элементом в виде деревянной ступеньки.

Поселение Чернореченское I, жилища 1 и 15

Поселение находится в административной черте г. Сургута, на правом берегу р. Черная – притока Оби. Памятник расположен в непосредственной близости от садоводческого товарищества “Газовик-2”, что неблагоприятно отразилось на его сохранности: часть объектов поселения погибла под садовыми участками [Косинская, 1998, с. 87-94]. Двумя раскопами площадью 164 м² и 152 м² в 1993-94 гг. были исследованы жилищные впадины № 1 и № 15 (раскопки Л.Л. Косинской).

Котлован жилища 1 (глубиной 0,5-0,6 м) имел форму прямоугольника размером 7,5 х 5-6 м, длинной осью ориентированного с юго-запада на северо-восток. Очаг – открытое кострище – располагался посреди углубленной части постройки. Выходы располагались в западной и северной стенках, ближе к юго-западному и северо-восточному углам котлована. Западный вход, обращенный к реке, представлял собой короткую прямоугольную канавку, отделенную от котлована углистой полосой – остатками деревянного порога. Второй выход – не углубленный – прослеживался в виде “языка” культурного слоя на уровне древней поверхности и был обращен на север [Косинская, 1998, с. 91].

Прямоугольный котлован жилища 15 имел размеры 6,5 х 4,5-5,4 м, глубину 0,35-0,4 м и был ориентирован длинными сторонами по оси север – юг. Расположение и устройство выходов реконструируется аналогичное выходам объекта 1: западный в виде короткой канавки и северный неуглубленный, смещенные к углам котлована. У стенки котлована перед северным выходом зафиксирована невысокая земляная ступенька, заканчивающаяся следами деревянного порога. Автором раскопок было высказано предположение о возможной сезонной специализации двух выходов, поскольку рядом с северными неуглубленными выходами обоих жилищ, в отличие от западных углубленных, на древней дневной поверхности залегала керамика [Косинская, 1998, с. 93-95].

Отдельно отметим сложность, возникшую при анализе коллекции памятника. Она была обработана достаточно давно, в связи с чем все “связи” по ремонту уже были

восстановлены, фрагменты подклеены, что во многих случаях затруднило корректное измерение площади отдельных черепков.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка по дну жилища и по реконструируемой древней дневной поверхности. В нее вошла почти вся керамика, связанная с **объектом 1**. В заполнении котлована зафиксировано менее 10 фрагментов. Один фрагмент залегал несколько выше уровня дна в районе реконструируемого “порога” углубленного западного выхода (на данном участке это была единственная находка керамики).

Выборку по дну визуально можно разделить на три скопления: вокруг очага, перед юго-восточной нишей, у северного выхода (рис. 1, 3). В очаге залегает керамическая крошка (площадь фрагментов менее 3 см²), что объясняется его постоянным активным использованием. Несколько чуть более крупных фрагментов приурочены к ямкам, расположенным по краям очага – с севера и с юга (возможно, - это основание стоек какого-то надочажного устройства). Вокруг очага пространство практически свободно от находок, на расстоянии около метра от него фиксируется “кольцо” мелких (площадью не более 8 см²) черепков плохой сохранности. Т.о., мы наблюдаем типичную картину естественного распределения материала в приочажной зоне жилого помещения [Юдина, 2009, с. 62]. “Кольцо” разрывается только к северо-западу от очага (в направлении предполагаемого места отдыха), что можно трактовать как свидетельство, во-первых, более редких перемещений от костра в указанном направлении, а, во-вторых, - наличия на этом участке некой преграды для перенесения бытового мусора. Последнее предположение подкрепляется близостью материкового останца, который, вероятно, служил для разделения помещения на две части [Косинская, 1998, с. 91].

Второе скопление – полоса находок, протянувшаяся на расстоянии около 0,5 м перед стенкой котлована в районе юго-восточной ниши. Оно включает разные по размеру фрагменты (в том числе с площадью поверхности более 15 см²) различной степени сохранности. Можно предполагать, что оно формировалось постепенно, и факторы, послужившие его образованию, действовали одинаково на разные размерные группы осколков. Такие условия могли сложиться при наличии в данном углу некой стационарной перегородки на уровне пола, изолирующей пространство вдоль стенки котлована (деревянные нары, отгороженное место для хранения чего-либо и т.д.). Логично предположить, что в организованный таким образом угол помещения была включена и юго-восточная ниша.

Отдельно стоит упомянуть наличие фрагментов от тех же сосудов, что залегают и в самом скоплении, уже за пределами постройки – на расстоянии более метра от его юго-восточного угла. Поскольку находок вокруг жилища немного, и они, в основном, локализируются в районе северного выхода, указанные осколки сразу обращают на себя внимание. Тем более, что среди них численно преобладают крупные фрагменты, которые вряд ли были перемещены сюда случайно, в результате многократного ненаправленного механического воздействия. Скорее всего, они маркируют край неуглубленной части постройки, либо – лежат за ее пределами, отмечая, в таком случае, еще один участок, где существовал если и не выход, то - нечто типа дымового/светового окна либо иных способов сообщения с пространством за пределами жилища.

Третье крупное скопление находок локализовано у северного выхода и охватывает как участок внутри котлована, так и пространство за его пределами – на уровне древней

дневной поверхности. В котловане оно представляет собой такую же узкую полосу находок на расстоянии около 0,5 м от стенки. Точно указать размер залегающих здесь черепков не представляется возможным в связи со сложностью, возникшей при замере склеенных фрагментов. На расстоянии около 40-50 см от полосы есть еще одно маленькое скопление. Судя по глубинам залежавших здесь находок и их небольшим размерам, его возникновение связано с локальным понижением (утоптанность перед выходом?).

На уровне дневной поверхности залегают крупные фрагменты, что говорит, скорее, об их целенаправленном перемещении на этот участок (случайным образом попасть сюда фрагменты из котлована не могли, по крайней мере – в таком количестве). Можно предположить, что их переносили в процессе очистки жилища к краю постройки, оставляя на незначительном удалении от выхода (вероятно, подразумевая их вторичное использование).

“Связи” по фрагментам сосудов маркируют, в основном, два направления перемещения материала: от очага – к северному выходу, либо от очага – в сторону юго-восточной ниши. Первое направление, очевидно, маркирует, с одной стороны, вектор наиболее частых перемещений в жилище (от хозяйственной зоны – к выходу), с другой – вектор целенаправленного выноса бытового мусора. Второе направление, предположительно, маркирует сходные процессы, однако проходившие не столь часто и интенсивно. Если предположить, что основная хозяйственная деятельность протекала между очагом и северным выходом, то второе направление становится менее актуальным и находит слабое отражение в выбранном материале уже в силу меньшей вероятности поломки здесь глиняной посуды.

Подведем итог. Несмотря на принципиальную возможность перемещения керамики к западному выходу (один фрагмент туда все же попал), этот участок остается пустым от находок. По этой причине выбранный метод анализа не дает нам никаких дополнительных данных для его реконструкции. В рассмотренном случае, однако, отсутствие результата – также значимый результат. Поскольку материалы полевых исследований позволяют вполне однозначно реконструировать на этом участке выход, его отсутствие в планировочной схеме, восстанавливаемой по распределению керамических фрагментов, означает, что он использовался тогда, когда наиболее активная хозяйственная деятельность, вместе с глиняной посудой и всеми случаями ее поломки, перемещались из жилища в другое место. Например, на площадку перед постройкой, что возможно в теплое время года. Это возвращает нас к предположению о сезонной специализации выходов, которая, таким образом, получает дополнительное обоснование и несколько конкретизируется.

Северный выход, соответственно, становится автоматически “осенне-зимним”, что логично увязывается с его местом в планировочной схеме помещения: он более удален от зоны отдыха, да еще и отгорожен от нее очагом (а, возможно, и перегородкой, приуроченной к материковым останцам). Характер залегания находок внутри котлована позволяет предполагать использование (так же, как и перед западным выходом) дополнительных деревянных конструкций – ступеньки (ступенек?), пандуса или помоста, выступавшего примерно на полметра от края котлована. Вероятно, в данном случае (в отличие от устройства выхода в жилище 1 селища Барсова Гора II/19) конструкция плотно стояла на дне котлована, не оставляя зазора для попадания под нее осколков керамики, т.е.

конструктивно была решена по-другому. Что характерно, аналогичная ситуация фиксируется и в юго-восточном углу котлована. Возможно, функционально она объясняется несколько иначе, но формально можно предполагать ее сходное конструктивное решение (т.е. речь может идти о некоем стандарте).

Материал **объекта 15** оказался менее благодарным: связанная с ним коллекция численно невелика, а замеры большинства осколков были затруднены из-за того, что реконструкция сосудов уже была произведена.

В выборку по дну и уровню погребенной дневной поверхности вошла вся коллекция керамики, соотносимая с объектом. Большого разброса фрагментов нет: осколки, как крупные, так и мелкие, лежат на незначительном расстоянии друг от друга (почти все – подклеиваются) и от стен котлована. Условно выделяется два аморфных скопления: у северо-западного и юго-восточного угла помещения. Связей с фрагментами за пределами постройки нет, в центре котлована керамики тоже практически нет. Иными словами, планиграфия фрагментов керамики не дает оснований реконструировать какую-то интенсивную, постоянную и направленную деятельность в постройке: осколки почти не расталкивались и не дробились, за пределы котлована не перемещались (ни случайно, ни специально). Все эти факты наводят на мысль о специализированном характере постройки (возможно, даже – не жилым). В любом случае, никакой новой информации по устройству и использованию выходов из объекта планиграфический анализ в этом случае нам не дает.

Селище Савкинская Речка I

Селище находится в Нижневартовском районе ХМАО — Югры, в 5,3 км к юго-востоку от п.г.т. Излучинск, на левом берегу р. Вах — правого притока Оби. Состояние памятника к началу раскопок оценивалось как аварийное: в процессе прокладки трассы трубопровода была уничтожена восточная часть селища. Раскопом общей площадью 408 м² был вскрыт единственный уцелевший объект, частично перекрытый переотложенным грунтом (раскопки С.А. Мызникова). Это объясняет наличие нарушений культурного слоя памятника, а также специфику полученной коллекции: часть артефактов соотносится с объектом, часть – с перекрывающим его песком, перемещенным, в т.ч., с разрушенной части селища [Мызников и др., 2012, с. 60].

В процессе раскопок исследованы остатки углубленной каркасно-столбовой жилой постройки. Размеры прямоугольного котлована (глубиной до 1 м) составили 6,7×6,5 м. Основание стен, вероятно, было удалено от краев котлована на расстояние 1,5–2 м, т.о. общие предполагаемые размеры постройки составляли около 9,5×12 м. В центре котлована находился напольный очаг, вход в виде тамбура – с юго-западной стороны. По мнению исследователей возможно несколько вариантов интерпретации восточной части объекта: неуглубленная часть жилища, пристройка либо переход, если жилище было двухкамерным и его восточная половина не сохранилась [Мызников и др., 2012, с. 61].

В связи со спецификой коллекции в выборку попали не все фрагменты: значительное количество находок было найдено в переотложенном грунте – керамическое крошево и достаточно крупные фрагменты, видимо, изъятые целыми скоплениями и перемещенные на незначительно расстояние.

Самое крупное скопление керамики залегает на уровне древней дневной поверхности, к западу от края котлована (рис. 1, 2). Состоит оно, в основном, из очень мелких фрагментов (площадь большинства не превышает 3 см²). При этом глубина их

залегания заметно варьирует: общий разброс по вертикали достигает 30-35 см. На расстоянии 1,3-1,4 м к северу от этого скопления находится еще одно, аналогичное по составу, но гораздо меньших размеров. И первое, и второе скопление пространственно совпадают с “языком” культурного слоя, отходящим от котлована в западном направлении.

У той же западной стенки, но уже на уровне дна котлована фиксируется еще одно небольшое скопление: неширокая полоса находок, включающая осколки разных размеров (в т.ч. весьма крупные, до 15см²). Она идет под углом к стене котлована, начинаясь на расстоянии около 0,7 м и заканчиваясь почти вплотную к ней, совпадая с полукругом столбовых ямок.

Данная планиграфическая ситуация находит ряд аналогий с привходовым участком жилища 1 селища Барсова Гора II/19, а также с северным выходом объекта 1 поселения Чернореченское I. Принципиальным отличием, на наш взгляд, являются размерные показатели находок, формирующих основное скопление. С одной стороны, столь малые размеры делают маловероятным сознательное перемещение сюда этих осколков как бытового мусора. С другой, значительный перепад высот между дном котлована и уровнем неуглубленной части постройки исключает вариант случайного перемещения сюда такого количества черепков.

Первое возможное объяснение описанной ситуации: мы наблюдаем знакомую по другим памятникам картину удаления крупных обломков с пола жилища к выходу. На самом краю котлована действительно встречена пара более крупных фрагментов от сосудов, остальные части которых залегают на дне постройки. Такие “связи” немногочисленны: большая часть фрагментов настолько мала, что ее сложно отнести к конкретной емкости. Последующее измельчение материала может объясняться сменой функции участка. Например: выход перестает функционировать, и участок перед ним, без предварительного выноса материала, перекрывается чем-то жестким.

Второе возможное объяснение – это измельчение материала уже в процессе археологизации или еще позже, в период частичного разрушения памятника. Последнее предположение связано с тем, что выше основного скопления встречаются фрагменты, относящиеся к переотложенным сосудам (хотя в процессе раскопок следов нарушений на этом участке зафиксировано не было).

Наконец, третий вариант: фрагменты были сюда перемещены уже измельченные и, вероятно, не со дна котлована. Это предположение связано с тем, что основную часть скопления образуют фрагменты сосудов, от которых нет материала в самом котловане (за единичными исключениями, когда фрагменты от того же сосуда лежат сразу под западной стенкой). Напомним также, что глубина залегания фрагментов здесь сильно варьирует. Произойти перемещение могло как в процессе функционирования постройки, так и после, в процессе нарушения культурного слоя. В первом случае это могла быть песчаная подсыпка – внутрь постройки или снаружи, на ее основание. При этом попавший сюда вместе с песком материал мог как относиться к периоду функционирования того же жилища, так и иметь иное происхождение. Как мы помним, селище предположительно состояло не из одного объекта, вполне возможно, что время функционирования некоторых

из них сильно различалось, так что песок мог быть взят с участка, использовавшегося ранее⁶.

Других крупных скоплений в постройке нет. В очаге керамика почти отсутствует (за исключением единичных мелких фрагментов, приуроченных либо к краю кострища, либо к зафиксированной в нем ямке – очевидно, от стойки надочажного устройства). На расстоянии около метра вокруг очага читается “кольцо” разрозненных керамических осколков, маркирующих зону активной хозяйственной деятельности.

Самые крупные фрагменты залегают рядом с южным выходом: по краям материкового останца-ступени, расположенной перед ним ямы, а также на самом останце. Последний момент свидетельствует о том, что песчаный останец должен был иметь жесткое перекрытие (как вариант – деревянный), обеспечившее попавшим сюда осколкам сохранность.

Выводы

В жилище 1 селища Барсова Гора II/19 место расположения выхода изначально определить не удалось. Результаты планиграфического анализа фрагментов керамики позволили предполагать, что он располагался в южной стенке постройки (ближе к юго-западному углу). Судя по всему, он был неуглубленным и имел дополнительное оформление в виде стационарной ступеньки (ступенек/пандуса/уступа) размерами примерно 0,5 x 0,4 м. Поскольку иных следов существования элемента не осталось, он мог быть изготовлен из какого-то органического материала, например, - древесины. Точнее реконструировать его устройство по имеющимся данным не удастся. Можно только констатировать, что он не представлял собой глухую непроницаемую преграду на уровне самого дна, поскольку под него периодически попадали фрагменты керамики.

В жилищах 1 и 15 поселения Чернореченское I по материалам раскопок сразу было реконструировано два выхода, смещенных к углам постройки (в обоих случаях - углубленный с западной стороны и наземный с северной), в оформлении которых фиксировался, как минимум, деревянный порог (а в жилище 15 еще и материковый уступ-ступенька). Планиграфический анализ подтвердил сезонную специализацию выходов в жилище 1, а также позволил предполагать наличие какой-то деревянной конструкции шириной около 0,5 м перед его неуглубленным северным выходом. Здесь же было зафиксировано планомерное удаление крупных фрагментов керамики с пола котлована на привходовой неуглубленный участок.

Общая планировочная схема постройки с селища Савкинская Речка I остается пока не совсем ясной (особенно если принять предположение о двухкамерности постройки). На данный момент можно говорить о наличии двух выходов. Первый, южный – углубленный, имеет довольно сложное оформление привходовой зоны (материковый останец, перекрытый, деревянным настилом, перед которым зафиксирована глубокая яма – углубление для установки опоры?). Второй выход, обращенный на запад, был наземным. В пределах котлована фрагменты керамики очерчивают перед ним некую преграду (под которую, впрочем, периодически попадали обломки посуды). Для крепления реконструируемого элемента, очевидно, использовался ряд стоек-опор, следы от которых идут полукругом вдоль стенки котлована на расстоянии около полуметра от нее.

Сопоставим полученные по нескольким объектам результаты.

⁶ Отчасти это коррелирует с характеристикой некоторых “проблемных” сосудов в коллекции [Мызников и др., 2012, с. 66-67].

На всех рассмотренных объектах подтвердились строительные стереотипы, характерные для построек кульёганского культурного типа: это наземные выходы и коридорообразные углубленные выходы⁷. Более того, по материалам рассмотренных памятников можно говорить о том, что своеобразным стереотипом является именно *наличие двух выходов различной конструкции*. На селище Барсова Гора II/19 углубленный выход зафиксирован не был. Стоит, однако, учитывать, что, во-первых, в связи с плохой сохранностью материала даже наземный выход был реконструирован по данным планиграфии находок, а в случае сезонной специализации (по примеру объектов на поселении Чернореченоске I), “летний” выход в распределении фрагментов керамики читаться не будет; во-вторых, часть постройки не попала в пределы раскопа. Пример объекта с селища Савкинская Речка I подтверждает существование сходной традиции на кульёганских памятниках даже на более удаленных от Сургутского Приобья территориях.

С другой стороны, более тщательный анализ одного элемента планировки и конструкции позволяет выявить значительное количество вариаций. Так, *расположение выходов* может варьироваться, и если для памятников Сургутского Приобья можно предполагать использование типичного “углового” обустройства выходов, то вахская постройка демонстрирует иной вариант расположения выходов - по центру стен. Зато в ней, как и в объектах с поселения Чернореченское I, одинаково реализовано взаимное расположение выходов - на смежных сторонах постройки.

Ориентировка выходов относительно ближайшего элемента гидросети различается. В обеих чернореченских постройках (даже предположительно нежилой, специализированной) явно читается стандартизированное расположение выходов (вне зависимости от ориентации самой постройки: углубленный выход – к реке, неуглубленный – параллельно руслу). Аналогично расположение выходов и в савкинском объекте. А вот на барсовогорском в сторону реки обращен единственный реконструированный, неуглубленный выход.

Еще один стереотип – *использование деревянных конструкций при оформлении привходового устройства* (причем, опять же по материалам поселения Чернореченское I, - в постройках различного назначения). Конкретные способы обустройства выхода, в деталях, а, возможно, и конструктивно, различались. Однозначно об этом говорить сложно, ибо ни в одном случае привходовая конструкция полностью не реконструируется. По косвенным признакам можно предполагать, что в барсовогорской и савкинской постройке деревянные элементы не были глухо закреплены на дне, т.е. оставался зазор между ними и дном котлована. В савкинской постройке это, судя по всему, было решено за счет использования отдельных опор, поддерживавших деревянное перекрытие. Перед ее южным углубленным выходом был сохранен и материковый останец. Аналогичное устройство углубленного выхода реконструировано в объекте 15 поселения Чернореченское I. Другие выходы в объектах данного поселения, судя по всему, так же укреплялись деревянными элементами, которые во всех случаях оказывались непреодолимой преградой на пути бытового мусора (видимо, их крепление отличалось от того, что использовалось на Барсовой Горе и Савкинской Речке).

⁷ Более полная их реконструкция, на наш взгляд, пока затруднена. Однако можно отметить, что во всех случаях в районе неуглубленных выходов фиксировался длинный и четкий “хвост” находок, что позволяет предполагать для них более сложное устройство, нежели проем в стене.

Иными словами, при более подробном анализе отдельного элемента конструкции и планировки, с одной стороны, подтверждается некий общий строительный стереотип (по крайней мере, это оказалось справедливо для рассмотренных объектов, причем даже для тех, где изначально этот стереотип не выявлялся), с другой – в рамках этого стереотипа проявляются вариации. Различаются конкретные конструктивные решения, местоположение элемента в общей планировочной схеме и т.д. Мы не всегда можем их уловить, даже с привлечением дополнительных источников информации, однако в тех случаях, когда они намечаются, они могут стать отправной точкой для сопоставления и поиска культурных различий.

Очевидно, что в нашем случае объем рассмотренного материала недостаточен для выводов и обобщений по проблеме конкретного культурного образования, впрочем, задача исследования была иной: попробовать уловить различия (потенциально – культурно значимые различия) и границы по “альтернативным” источникам и наметить дополнительные пути их поиска на уровне отдельных комплексов. Часть перечисленных моментов, несомненно, может быть продиктована конкретными природными факторами и т.д. Это, впрочем, не отменяет их способности периодически служить также и культурными маркерами для того или иного образования либо фоном для развития культурных вариаций, не всегда заметных с высоты исследовательского полета.

Библиографический список

1. *Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
2. *Глушков И.Г.* Индивидуальная фиксация и интерьерно-планиграфические особенности жилых комплексов // Игорь Геннадьевич Глушков: Сборник избранных статей. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 200-202.
3. *Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 221 – 240.
4. *Жульников А.М.* Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Издательство “Скандинавия”, 2003. 200 с.
5. *Косинская Л.Л.* Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87 – 102.
6. *Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И.* Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 62-70.
7. *Рыжкова О.В.* Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170-180.
8. *Стефанов В.И.* Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. С. 97 – 112.

9. Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Приобья // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. С. 155-163.
10. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
11. Юдина Е.А. Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной празднованию 5-летия НСОИиА 14 ноября 2008 года. Шадринск: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПИ», 2009. С. 58-65.
12. Юдина Е.А. Эксперимент в планиграфических исследованиях (анализ распределения фрагментов керамики в изучении интерьера жилых построек) // Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2011. С. 182 – 185.
13. Lang V. Archaeological cultures and ethnic history: some examples from the East Baltic early iron age // Culture and material culture (Papers from the first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th – 19th, 2003). Tartu – Riga – Vilnius, 2005. P. 11 – 28.

Список сокращений

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
МУ ИКНЦП «Барсова Гора» - Муниципальное учреждение Историко-культурный
Научно-производственный Центр «Барсова гора»
НСОИиА - Научное студенческое общества истории и археологии ГОУ ВПО
«ШГПИ»
РИО – редакционно-издательский отдел
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СурГПУ - Сургутский государственный педагогический университет
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция (УрГУ)
УрГУ – Уральский государственный университет
УрФУ – Уральский федеральный университет
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ШГПИ – Шадринский государственный педагогический институт

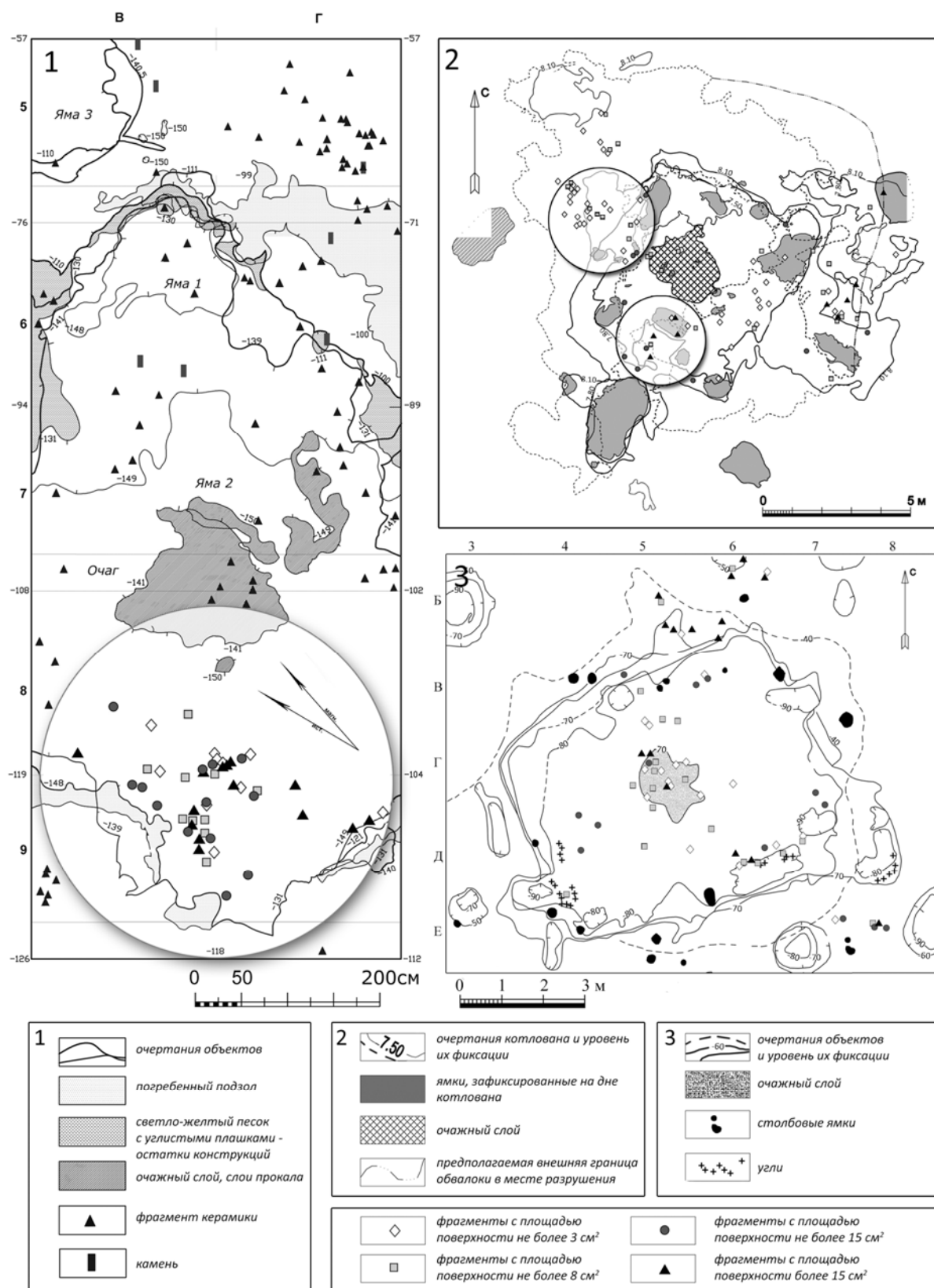


Рис. 1. Распределение фрагментов керамики различных размерных групп по площади жилых построек: 1 - селище Барсова Гора II/19, жилище 1; 2 - селище Савкинская Речка 1; 3 – поселение Чернореченское I, жилище 1.